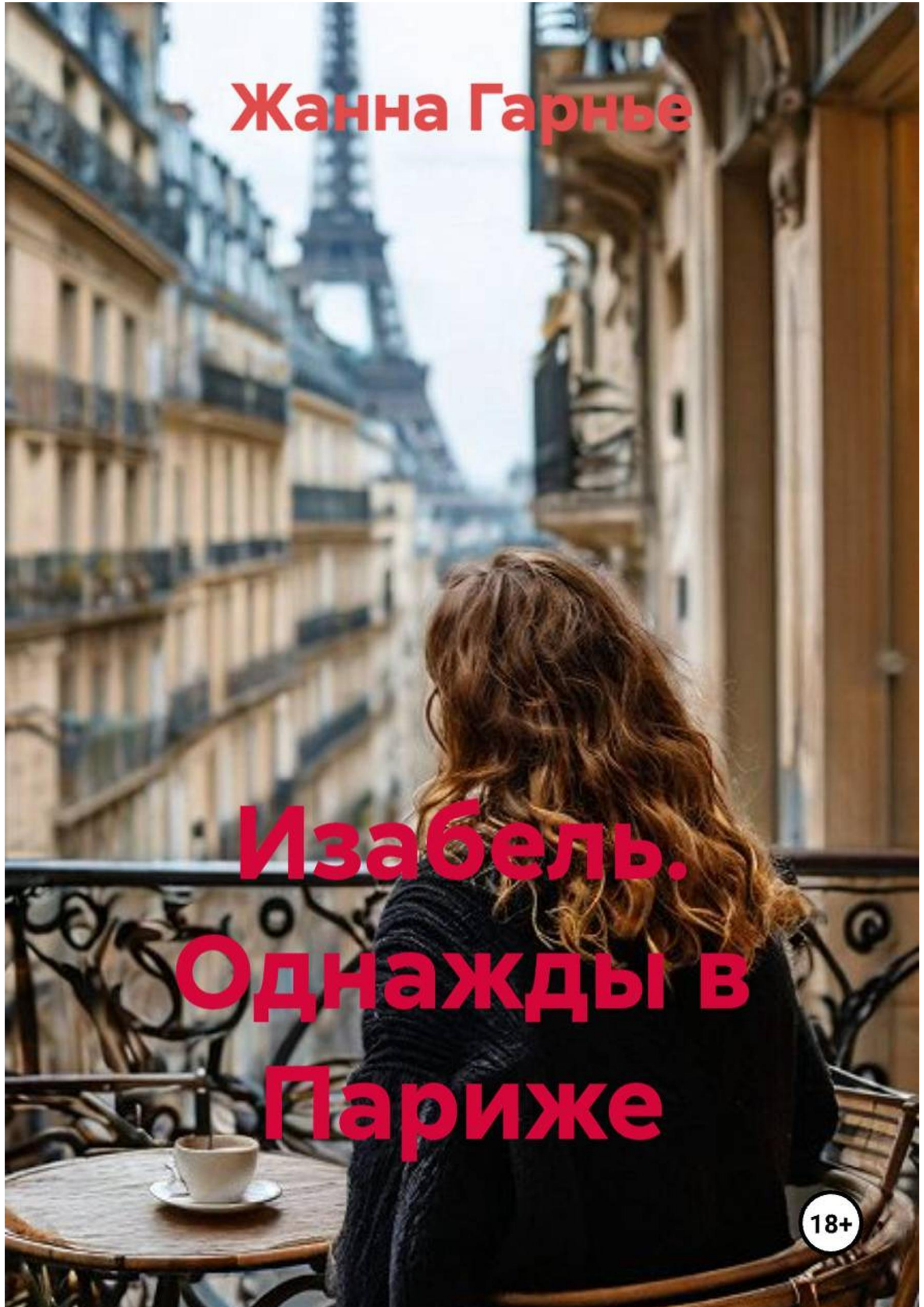

A woman with long, wavy brown hair is seen from behind, sitting on a balcony with ornate metal railings. She is looking out over a Parisian street towards the Eiffel Tower, which is visible in the distance between two rows of classic European buildings. A small white coffee cup sits on a round wooden table in the foreground.

Жанна Гарнье

**Изабель.
Однажды в
Париже**

18+

Жанна Гарнье

Изабель. Однажды в Париже

«Автор»

2026

Гарнье Ж.

Изабель. Однажды в Париже / Ж. Гарнье — «Автор», 2026

Она — Изабель, известная всему миру как Мôme, чьи песни знают миллионы. Он — Сергей, простой тренер из провинциального российского городка, который всю жизнь мечтал увидеть Париж. Они встретились случайно на улице Монмартра, когда она пела свои песни, скрываясь от славы. Он слушал и не знал, кто она на самом деле. Их любовь родилась в утреннем кофе, ночных прогулках по Парижу и сигаретах на балконе её маленькой квартирки. Но когда правда открылась, они поняли: их миры слишком разные. Им оставалось только надеяться, что однажды один из них найдёт в себе силы перешагнуть через страх и приехать к другому. Это история о том, как две судьбы сплелись в одну мелодию, о выборе между карьерой и любовью, о том, что настоящий дом — там, где тебя ждут, а голос, который однажды изменил жизнь, может изменить её снова.

© Гарнье Ж., 2026

© Автор, 2026

Жанна Гарнье

Изабель. Однажды в Париже

ИЗАБЕЛЬ

Глава 1

Летняя парижская ночь тёплым ветром обдувала плечи девушки, стоящей на балконе маленькой квартирки на мансарде жилого комплекса по улице Rue Joseph de Maistre. Девушка пододвинула к себе грязную пепельницу, которую явно давно не мыли, — всё, что в ней находилось, давно выдул ветер и смыл дождь. Приподняв старый пластиковый отлив окна, она с улыбкой обнаружила там пачку сигарет и зажигалку, которые оставила здесь несколько месяцев назад. Достала сигарету и с жадностью сделала несколько первых затяжек.

Она не курила уже несколько недель. Да и раньше она делала это не часто, тайком прячась от всех. Наверное, никто из её близких даже не мог подумать, что она курит, но это было её маленькой тайной. Лишь её одной. Когда её жизнь давно стала достаточно публичной и она очень часто оказывалась в центре внимания. Но здесь и сейчас интимное воссоединение со своей любимой квартиркой, в которой всё начиналось и с которой она так и не рассталась, переехав в более престижный район Парижа — Сен-Жермен-де-Пре, разожгло в ней желание выкурить сигарету и насладиться ночным видом Парижа. Рассмотреть вдали Эйфелеву башню, надышаться свободным воздухом и разложить все накопившиеся за эти несколько недель мысли по полочкам, приняв для себя определённые решения.

Только здесь, в своей любимой первой квартире, в которой она начинала писать свои песни, свою музыку, она вспоминала ту главную цель, которая её вела вперёд. И цель эта была очень проста — наслаждаться жизнью, быть свободной, писать музыку и дарить её людям. Вот что стояло в самом начале её карьеры. Вот что толкало и мотивировало её многие годы. Она писала песни, выступала на улице, в парках, в кафе, перебиваясь небольшими заработками и благодарностью туристов, гуляющих по историческим районам Парижа. Сама она и не заметила, как пришла к ней слава. Первый клип. Первое интервью на ТВ. Первый сольный концерт.

Здесь, в квартирке, до сих пор висел один из первых постеров к её концерту, на котором была её фотография и надпись: «Для Вас поёт Изабель, новый голос Парижа!»

Теперь это история. Она знаменита. Мировые турне. Шесть студийных альбомов. Деньги. Слава. Но именно сейчас она начала понимать, что теряет себя и уже совсем не та двадцатилетняя Изабель, которая написала свои первые хиты. Не та девушка, которая дарила радость людям своими выступлениями. Всё это стало большим бизнесом, который превращал её в простой механизм заработка денег для своих продюсеров, студий и многих других, так или иначе зарабатывающих на её творчестве. Возможно, поэтому она уже два года не могла написать ни одной новой песни. Конечно, первое время она себя убеждала, что всё это из-за занятости, и как только у неё появится время, вдохновение придёт, и она снова напишет что-то удивительное, что-то хорошее. Но нет. Даже отдых на Ибике или на Майорке не дал ей возможности сосредоточиться, и в голову не приходило ни одной строки, ни одной ноты.

А события последних дней вообще выбили её из колеи.

Она задумалась и вспомнила свой последний разговор с её концертным директором Пьером Моро и руководителем продюсерского центра Шарлем Жарме.

В тот день она пришла на студию, чтобы доработать переиздание её первого альбома, посвящённого пятнадцатилетию творчества. В студии настаивали на включении в альбом нескольких песен, которые были более коммерческими и написанными для неё на студии. Для студии это было более выгодно, потому что авторские роялти уходили бы студии. Изабель же не стремилась много заработать на этом альбоме. Она хотела лишь включить в него свои песни,

которые дарили ей свободу творчества как самостоятельному автору и исполнителю, и подчёркивали её вклад в развитие современной музыки.

В студии, где проходил очередной спор, появились Пьер и Шарль.

— Изабель, детка, мы понимаем тебя, но коммерчески выгоднее включить эти танцевальные хиты. Они сейчас во всех ночных клубах Франции, — убеждал её директор студии. — Ты прекрасно их спела.

К разговору подключился Пьер. Ещё не старый мужчина, по лоску и важности можно было понять, что он достаточно хорошо зарабатывает. На руке поблёскивал золотой «Ролекс», в ухе красовалась серьга с бриллиантом карат на десять, и не менее примечательный золотой перстень на руке.

— Изабель, я соглашусь с собравшимися. Это должно стать апогеем, твоим фейерверком. То, что все хотят слышать. Этот альбом должен лечь в основу следующего мирового турне. Эти хиты очень востребованы.

— Пьер, пожалуйста. Ты же знаешь, что не этого я хотела от своего творчества. Раз этот альбом посвящён моему творчеству за последние пятнадцать лет, пусть в нём будут мои песни. Те песни, с которыми я начинала. Песни о любви, независимости, свободе, творчестве, желании жить. Те песни, благодаря которым я стала знаменитой.

— Да, моя хорошая, мы понимаем твоё стремление, — мягко, но настойчиво произнёс Шарль. — Но рейтинги этих песен уже не те. А те песни, которые записали для тебя на студии, сейчас рвут чарты. Ты их великолепно исполняешь.

— Я начинала как автор и исполнитель своих песен. Так я хочу и продолжить. И кстати, о каком мировом турне идёт речь? Я только две недели как вернулась из прошлого. Мне хочется отдохнуть, взять паузу хотя бы на время, чтобы написать что-то новое.

— Мы с Пьером уже всё распланировали, — Шарль протянул ей стопку бумаг. — Турне, посвящённое пятнадцатилетию твоего творческого пути. Ты сейчас на подъёме, и будет глупо упустить такой шанс. Четыре месяца. Двадцать восемь стран. Шестьдесят концертов.

— Господи, вы меня слышите? — Изабель повысила голос, но тут же взяла себя в руки. — Я прошу вас дать мне возможность заниматься своим делом, а не дальше быть для вас заработком денег. Я никогда не была против этого, но вы меня уже выжали как лимон. — Она без сил опустилась в кресло и глубоко вздохнула. — Мы же вместе начинали. Вы были совсем другими ребята. Что с вами случилось?

Пьер наклонился, встал на колени и взял её за руку.

— Изабель, я всё понимаю. Но глупо сейчас останавливаться, когда ты на пике.

— Я просто хочу взять паузу и перезагрузить себя и своё творчество. Ты это понимаешь?

В студии повисла тишина. Шарль достал сигару и закурил. Изабель тоже безумно захотелось покурить, но она сдерживала себя. Тишина становилась тяжёлой. Её друзья, с которыми она начинала, теперь стали совершенно другими людьми, и это её пугало. Она начала понимать, что тоже теряет себя и превращается в простую шоу-герлз, которая служит для заработка денег.

— Я думаю, мы можем турне и отложить, — осторожно начал Шарль, выпуская клуб дыма. — Конечно, твои поклонники будут не в восторге. Но если для тебя это важно... пусть будет так. Наши контракты основаны на партнёрских отношениях, и если один из нас не согласен с выполнением, другой не имеет права настаивать. Конечно, будет жалко сейчас, на волне популярности, уйти в тень. Но если ты так этого хочешь...

— Да, мой дорогой Шарль. Мне это необходимо как воздух. Мне нужна эта пауза.

— Пьер, ты один из партнёров. Что думаешь? — спросил Шарль.

Пьер вздохнул, почесал перстень и посмотрел на Изабель с той теплотой, которую она так любила в нём раньше.

— Я её слишком люблю, чтобы отказать. Но нам нужен какой-то ход. Или, правильно сказать, выход из ситуации.

Изабель встала и начала ходить по кабинету с задумчивым лицом. Подошла к окну, посмотрела на город. В суете куда-то торопились люди, ехали машины, спешили такси и автобусы. А у старой лавочки стоял уличный музыкант. В потертых джинсах, простых кедах и растянутой, давно не новой, майке. Он пел и играл на гитаре. В его мимике и движениях угадывался кайф, который он ловил от своего творчества. Его слушали всего три человека, но им явно нравилось — это можно было понять по их пританцовывающим движениям. И даже если бы не было зрителя, он все равно бы продолжал петь, потому что он жил этой музыкой. И тут её осенило.

Она развернулась, и на лице засияла улыбка. А в глазах появились искорки, как у той начинающей Изабель, которая радовалась каждой новой ноте, и каждому новому слову, ложащемуся на мелодию.

— Я разрешаю вам выпустить альбом в том виде, в котором вы хотите. А вы даёте мне несколько месяцев отдыха. Это лучшее предложение. Иначе я просто всё брошу.

По большому счёту Изабель больше не слушала их обсуждений и убеждений. В алчных глазах своих друзей она увидела молчаливое согласие. Для неё сейчас было не столь важно заработать деньги. Важней было вернуть себя, найти ниточку вдохновения и снова вернуться к творчеству, чтобы подарить людям надежду через свои песни.

С этими мыслями она вышла из студии.

Добравшись до своей квартиры, она дала определённые распоряжения своей экономке, собрала сумку, положила в чехол свою старую гитару и оставила на тумбочке свой телефон. Ещё раз посмотрев на квартиру в Сен-Жермене, она улыбнулась своим мыслям и отправилась туда, где всё начиналось, — в свою небольшую студию под крышей, в которой наконец могла почувствовать себя свободной и счастливой.

Париж встретил её гулом проспектов и тёплым вечерним воздухом, пропитанным запахом бензина, жареных каштанов и цветов. Она пошла пешком. Бессознательно свернула в сторону Сены, чтобы пройти по набережной — туда, где не было машин, где слышались только шаги и плеск воды. Солнце уже садилось, окрашивая небо в розово-золотые тона, и Эйфелева башня на горизонте начинала зажигать свои огни, обещая ночь, полную света.

Она шла медленно. Смотрела на влюблённых парочек, сидящих на парапетах. На студентов с вином в пластиковых стаканчиках. На старого художника, который дописывал акварель, пока свет позволял различать цвета. Ей хотелось остановить время, запомнить этот вечер, это ощущение свободы, которое она так давно не чувствовала.

Потом был метро. Вагон был почти пуст. Она сидела у окна, смотрела на мелькающие огни туннеля и улыбалась своим мыслям, как ребёнок, который сбежал с уроков.

Выйдя на станции, она поднялась на холм Монмартра. Узкие улочки, лестницы, старые фонари, кошки, перебегающие дорогу. Здесь всё дышало историей, искусством, бедностью и гениальностью одновременно. Она вдыхала этот воздух и чувствовала, как внутри неё просыпается что-то давно забытое.

Поднявшись на последний этаж старого дома, она открыла дверь ключом, который всегда носила с собой, и шагнула в маленькую квартиру.

Всё было как раньше. Старый диван, покрытый пледом. Стопка книг на полу. Гитара в углу. И тот самый постер на стене — «Для Вас поёт Изабель, новый голос Парижа!».

Она опустила сумку, взяла гитару и вышла на балкон.

Закурила. Затянулась. И, глядя на огни Парижа, которые расстилались перед ней, как звёздное море, она впервые за два года почувствовала, что готова писать.

По длинному коридору старой спортивной школы единоборств, которая находилась в провинциальном городе Ставрополе, спешил молодой паренёк лет четырнадцати. Он заглянул в один зал и, убедившись, что там никого нет, захлопнул дверь и побежал дальше. Наконец он добрался до большого борцовского зала и, сильно запыхавшись, остановился, рассматривая, кто там находится.

На ковре тренировались молодые ребята, которые отрабатывали проход в ноги, контратаку и заход за спину. Борцы были уже достаточно взрослыми — многие из них выступали на чемпионатах России, были призёрами и победителями. Смотреть на их работу было большим удовольствием, и Алексей долгое время не мог оторвать свой взгляд от занимающихся на ковре. Движения были отточенными, резкими, но при этом пластичными — как у хищников, которые играют, но в любой момент готовы нанести удар.

В какой-то момент парню наконец пришло в голову, зачем он здесь находится. Он повернулся в угол зала, где на лавочке сидел тренер и что-то усердно записывал в своём блокноте.

Тренером был мужчина сорока лет, среднего роста, крепкого телосложения. Даже сейчас, когда он сидел, было видно, что человек обладает большой силой и до сих пор в великолепной спортивной форме, несмотря на возраст. Короткая тёмная стрижка с лёгкой сединой на висках, аккуратная борода, которая придавала ему солидность, но не старила. Зелёные глаза смотрели внимательно и спокойно, с той уверенностью, которая приходит только с годами и опытом. Широкие плечи, руки с рельефными мышцами, которые даже через простую тренировочную футболку выдавали привычку к постоянному физическому труду. Он сидел прямо, без сутулости, как человек, который привык держать спину и нести ответственность.

Подойдя к нему, парнишка обратился:

— Сергей Николаевич! Владимир Палыч и Арсен Амирджанович просили вас срочно подойти в кабинет директора, — протараторил мальчуган, едва переводя дыхание.

Мужчина поднялся, протянул руку и поздоровался:

— Алексей, спокойней. Ты уже три года занимаешься вольной борьбой, но так и не понял моего основного правила. Никакой суеты и никакой спешки. Всё нужно делать медленно, уверенно и правильно. — Он слегка улыбнулся, смягчая строгость. — Можешь посмотреть, как тренируются ребята. Я пока схожу к директору.

Подойдя к ковра, Сергей Николаевич обратился к парням:

— Так, парни. Я оставляю вас на некоторое время. У нас ещё полчаса тренировки, поэтому сейчас десять минут дорабатываете на ковре, потом — ОФП, и обязательно в конце тренировки по пять подъёмов на канат на руках. Алёша постоит, посмотрит и скажет мне потом, кто не сделал. Всем понятно?

— Да, всё сделаем, Сергей Николаич, — ответил самый старший из ребят, поправляя борцовки.

Сергей Николаевич собрался и пошёл в сторону кабинета директора.

Спортивная школа располагалась в старом двухэтажном здании, построенном ещё в советское время. Стены коридоров были выкрашены в бледно-голубой цвет, который когда-то казался свежим, но теперь облупился и кое-где отслаивался кусками. Полы — деревянные, скрипучие, с тёмными потёртостями от тысяч пар ног, прошагавших здесь за десятилетия. Пахло мастикой, потом, старым деревом и чем-то ещё неуловимым — тем особым запахом спортивных школ, который невозможно спутать ни с чем. На стенах висели выцветшие грамоты, фотографии чемпионов прошлых лет, деревянные щиты с приколотыми кнопками объявлениями о соревнованиях. Но несмотря на обшарпанность, здесь чувствовалась особая энергия — энергия труда, пота, крови, побед и поражений. Для Сергея и многих других спортсменов это место оставалось домом, их храмом, где они проводили достаточно много времени, совершенствуя своё спортивное мастерство.

Сергей работал здесь уже почти двадцать лет. Были в его карьере перерывы — приходилось уезжать, искать другую работу, но он всё время возвращался в этот зал, набирал новую группу ребят и продолжал их тренировать. Сейчас он замещал должность старшего тренера по вольной борьбе, а также работал методистом — разрабатывал методики для спортсменов, но большую часть времени он уделял подготовке спортсменов сборной региона. Он был достаточно успешным тренером. Его подопечные неоднократно занимали призовые места на первенствах края, чемпионатах округа, становились победителями всероссийских соревнований. Всего две недели назад они вернулись с чемпионата России среди юниоров, на котором трое его парней стали золотыми медалистами и отобраны в сборную России для участия в юниорском чемпионате Европы, который должен был пройти в Париже.

Он знал, что его должны пригласить работать помощником главного тренера на этих соревнованиях, поэтому понимал, зачем его сейчас вызвали к директору — со дня на день должно было прийти приглашение. С этими мыслями он добрался до кабинета, постучал и зашёл.

За столом сидели директор спортивной школы единоборств, ещё не старый мужчина Владимир Павлович, и его заместитель, а по совместительству тоже тренер по вольной борьбе, Арсен Амирджанович. Его тоже пригласили работать помощником тренера на чемпионате Европы.

Владимир Павлович поднялся из-за стола, подошёл к Сергею и крепко пожал ему руку.

— Ну что, Сергей Николаевич, как дела? Готов ехать во Францию?

— Ну если надо — конечно, поеду, — Сергей улыбнулся, — Не скажу, что горю желанием, но наших парней отдавать на растерзание старшему тренеру Муслиму Муслиевичу, наверное, не стоит.

— Конечно, не стоит! — с сильным кавказским акцентом поддержал его заместитель директора. — Мы с тобой для этого туда и едем. Слыхано ли — шестеро наших воспитанников из двадцати членов сборной! Такого никогда не было! Пусть только министр спорта в этом году нам не даст деньги на ремонт помещений.

— Поспокойней, дорогой Арсен, — Владимир Павлович примирительно поднял ладонь. — Опять проявляешь свой горячий кавказский нрав. Я думаю, если на чемпионате ребята покажут достойный результат, финансирование на ремонт мы обязательно выйдем.

— Собственно, не только для этого стараемся, — кивнул Сергей. — Больше для наших парней. Но получить дополнительное финансирование было бы неплохо. Еще лет пять и наша школа просто рассыпется от старости.

— В общем, не об этом сейчас, — Владимир Павлович сделал более серьёзный вид. — Приглашение пришло. У нас осталось только три недели для подготовки. Дальше выезжаете во Францию. Летите через Москву, потом десять дней акклиматизации, тренировки, а потом — чемпионат. Основные моменты обсудим с вами позже. — Он протянул им несколько листов. — Вот копии приглашений, чтобы вы начали готовить ребят, собирать необходимый инвентарь и прочее. Инструкции, где и как будем жить, что делать — в общем, почитайте сами. Сейчас — побольше тренировок, следуйте своим методикам. Они у вас прекрасно работают. Ребята в великолепной форме, перегружать их не надо. Главное — постарайтесь, чтобы к чемпионату они подошли без травм, на пике формы.

На этом они распрощались. Каждый отправился заниматься своей работой. Надо было готовить ребят к чемпионату Европы.

Сергей был приглашён помощником главного тренера в сборную России не в первый раз, он уже прекрасно знал свою работу, а также неоднократно выезжал в зарубежные поездки, поэтому это не было для него чем-то новым, а просто являлось очередной задачей, необходимой к решению.

За всю свою тренерскую карьеру он ещё ни разу не побывал в Париже, а этот город его очень привлекал. Ему очень нравилась французская культура, французская музыка, и в своё время он даже неплохо выучил французский язык, который пока ему не приходилось практиковать. Где-то в глубине души он был рад — потому что проведёт три недели в Париже и сможет ещё ближе познакомиться с этим удивительным городом уже не заочно. Побродить по старым улочкам, заглянуть в исторические места, а может заблудится и насладится городом сполна.

Но времени отвлекаться на мысли не было. Пора было работать с ребятами и готовиться к чемпионату.

Глава 3

Постепенно жизнь Изабель налаживалась. Она опять окунулась в то беззаботное время, когда для жизни ей хватало только гитары, музыки, кофе и сигарет. Уже несколько недель проведя в своей старой квартирке, она опять почувствовала тот ритм Парижа, который ложился на ноты. У неё появилось желание писать, творить музыку и делиться радостью своих успехов со всеми людьми — знакомыми и незнакомцами. Слова и ноты переплетались в едином танце, награждая ее улыбкой и прекрасным настроением. Желанием продолжать творчество и бесконечно много выступать для простых людей, жителей и туристов Парижа.

Так она и поступала. Конечно, выступать с уличными музыкантами для неё было привычным делом, но теперь, когда её могли узнать большинство жителей и туристов, ей пришлось придумывать свой новый стиль «инкогнито». Парик под каре с чёрными волосами, очки в толстой оправе, которые буквально закрывали половину лица, шарф на шее, закрывающий часть подбородка, толстовка оверсайз, прячущая её достаточно стройную, можно сказать жилистую фигуру, и широкие джинсы. Образ, созданный ею, был полной противоположностью той Изабель, которую знала широкая публика. Конечно, её могли узнать — и узнавали, — но большинство туристов, слоняющихся по улицам Монмартра, не обращали на неё внимания. А она занималась тем, что любила больше всего: выходила на импровизированную сцену, которой мог служить парапет здания, или лавочка, или просто тротуар, брала свою гитару и пела свои новые песни. Песни о любви, о людях, о свободе, о красоте Парижа, о музыке и желании жить.

Изменив себя, она не могла изменить только свой голос. Голос её — хриловатый, тёплый, с французскими "р" и лёгкой уличной хрипотцой. Это был голос, который нельзя было забыть. Он обнимал, как старый плед, и одновременно взрывался эмоциями, как весенний гром. Изабель говорила мягко, с небольшой заминкой, как будто обдумывала каждое слово, но когда она пела — её голос становился инструментом, которым она могла рисовать целые миры. Голос, который мог вызвать бурю эмоций, даже у самого спокойного человека.

В то тёплое летнее парижское утро она привычно завтракала в кафе напротив своего дома. Здесь она не боялась быть узнанной — здесь все её знали и уважали её личное пространство, а в утренние часы туристов здесь никогда не было, что дарило возможность насладиться крепким кофе, съесть ещё горячий круассан, намазанный тонким слоем клубничного конфитюра.

Хозяин кафетерия Луи — мужчина пятидесяти лет, тучный и неторопливый, который выполнял роль официанта в утренние часы, когда ещё не было посетителей, — был давним приятелем Изабель. Они были знакомы больше пятнадцати лет, и он всегда был рад, когда она заходила к нему в кафе. Луи был тем редким типом французов, которые не суетятся и не торопятся, но при этом всё успевают. Его круглое лицо с красноватым носом и вечно прищуренными добрыми глазами напоминало лицо старого бульдога, который видел в этой жизни всё, но продолжает улыбаться. Для неё у него был отведён особый столик, который

прятался в дальнем углу в нише. Поэтому, сидя за этим столиком, её было практически не видно, она же могла без проблем рассмотреть практически всех посетителей кафе.

— Милая, — неторопливо подходя к столику, сказал Луи, — ещё что-нибудь?

— Мой дорогой Луи, твой кофе сегодня безупречен. Неужели ты перестал доверять кофемашине и опять варишь его сам?

— Ох, если бы я только мог посвящать всё своё время готовке, я бы так и делал. Но, к сожалению, работы столько, что без кофемашины я не справлюсь. Но для тебя я всегда найду время, чтобы сварить кофе. А машину включит Жак, немного позже, когда этот оболтус появится на рабочем месте.

— Спасибо тебе за вкусный завтрак. Я, пожалуй, выпью ещё один кофе.

В этот момент колокольчик на двери звякнул, громкогласно сообщая, что в кафе новый посетитель, и Луи поторопился к стойке бара.

Изабель, продолжая наслаждаться утренним завтраком, присмотрелась к посетителю. В столь раннее время туристы здесь не шастали, а местных завсегдатаев она знала прекрасно. Но, на удивление, посетитель явно был не местным. Это был взрослый мужчина, крепкого телосложения, с короткой стрижкой и бородой, на удивление достаточно элегантно одетый для местного жителя, который в столь ранний час мог заскочить в кафе за свежим круассаном и кофе. На нём были тёмно-синие классические брюки, чёрные туфли и белая рубашка, которая обтягивала его достаточно широкую грудь. Две верхних пуговицы рубашки были расстёгнуты, а рукава закатаны до локтя, открывая крепкие, жилистые предплечья с лёгкими венами, которые выдавали привычку к физическому труду. Короткая тёмная стрижка, чуть тронутая седой на висках, аккуратная борода, которая придавала лицу мужественность, и зелёные глаза, смотревшие внимательно, с лёгкой усталостью, но без той пустоты, которую часто можно увидеть у туристов. Ростом он был около ста восьмидесяти сантиметров, и даже через рубашку чувствовалась спортивная фигура, которая не потеряла формы несмотря на возраст. В нём чувствовалась какая-то внутренняя сила, которая не кричит о себе, но ощущается, когда он стоит рядом. Он стоял прямо, без сутулости, как человек, который привык держать спину и нести ответственность.

Судя по акценту, с которым он говорил с Луи, он явно был не французом. А судя по тому, как Луи наигранно натягивал улыбку, общаясь, тому очень не нравился акцент утреннего гостя. В целом все французы не любят, когда туристы коверкают их прекрасный язык — язык, на котором исполнена «Марсельеза», на котором писали Дюма и пели Шарль Азнавур, Мирей Матье, Эдит Пиаф.

Вместе с тем, гость был рад возможности говорить с носителем языка и постоянно улыбался, радуясь каким-то своим успехам. Да и в целом на его лице читалась искренняя улыбка и прям какой-то юношеский восторг.

В конце концов, она заметила, что и Луи начал действительно искренне улыбаться посетителю. И даже рассмеялся над какой-то из шуток. Возможно, они нашли общий язык, и хозяин кафе начал относиться к гостю более снисходительно. Посетитель расположился за столиком, Луи принёс два свежих круассана и налил свой сваренный кофе, который так ждала Изабель.

— Извини за задержку, — улыбаясь, сказал ей Луи, наливая кофе в её уже остывшую чашку. — Просто интересный посетитель. Явно не местный. Он так искренне извинялся за свой акцент, сказал, что знает о том, что французы не любят, когда иностранцы с ними говорят на французском, но он всю жизнь мечтал побывать в Париже и вот наконец говорит с носителем языка. Я убедил его в обратном. Он как юноша радуется каждому произнесенному слову. Очень порадовал меня.

— Поэтому я так долго ждала свой кофе? — поднимая бровь, с притворным возмущением спросила Изабель.

— Милая, ещё раз прости меня, но я не мог отказать этому наивному большому добряку. В нём читается какой-то юношеский восторг. В отличие от других туристов, мне кажется, этот мужчина действительно всю свою жизнь любил Париж издалека и теперь просто не может перестать делиться своей радостью от пребывания здесь.

Луи ушёл заниматься своими обычными делами, и у Изабель появилось время, чтобы повнимательнее рассмотреть посетителя. Иностранец явно был из Восточной Европы. Он не был красавцем, но был довольно симпатичным, его можно было считать достаточно мужественным. Она давно не видела таких мужчин среди своих знакомых — парижские ребята постепенно утратили достаточно мужественные черты. Потому что она могла заметить, наблюдая из своего укрытия, мужчина явно был знаком со спортом, возможно, даже раньше был спортсменом. Крепкие руки, широкие плечи говорили о том, что мужчина много работает физически или же тренируется.

В какой-то момент она поняла, что уже откровенно пялится на мужчину. Хорошо, что он не мог её увидеть в её укрытии. Оправдывая себя, она подумала о том, что посетителей в кафе нет и просто не за что было зацепиться взглядом. Вместе с тем, Луи ушёл в подсобное помещение, и посетитель остался один. Он внимательно рассматривал обстановку и присмотрелся к фотографиям, которые висели на всех стенах. Она знала, что на этих фотографиях изображены завсегдатаи кафе, гости, есть даже несколько фотографий, когда она здесь ещё выступала в юности.

Остановившись на одной из фотографий, мужчина очень ярко улыбнулся и очень тихо начал напевать знакомую ей песню. Изабель замерла, узнав мелодию. Это была та самая песня, которую она написала много лет назад, когда только начинала, — про человека, который ищет свой свет в темноте. Он пел тихо, почти шёпотом, с лёгким акцентом, но поразительно чисто, попадая в ноты:

"Je cherche la lumière dans le bruit de la ville..."

(Я ищу свет в шуме города...)

Je marche seul, mais je sais que tu es là...

(Я иду один, но знаю, что ты рядом...)

Un jour, je trouverai la porte qui s'ouvre...

(Однажды я найду дверь, которая откроется...)

Et je n'aurai plus peur du noir..."

(И я больше не буду бояться темноты...)

Она немного удивилась тому, что он знаком с её творчеством, но решила, что он увидел её фотографию и просто вспомнил какую-то песню, которую она когда-то пела.

Обратив внимание на часы на стене, она поняла, что ей пора уходить. Сейчас в кафе начнут приходить люди, а ей не очень хотелось быть увиденной. Поэтому она выскользнула из своего укрытия, окинув быстрым взглядом стену, на которой висели фотографии, она удивилась тому, что именно здесь не было ни одной её фото. Затем она проскочила за спиной мужчины и быстро выскочила на улицу, оставив звенеть предательский колокольчик. Увидели её иностранный гость — она не знала.

Мужчина конечно же успел ее заметить и не много удивился. Потом дождался Луи, расплатился, оставил щедрые чаевые и вышел на улицу.

В это время Изабель уже стояла на балконе своей квартирке и смотрела на дверь кафе. Она увидела, как мужчина вышел на улицу, посмотрел по сторонам, достал пачку сигарет, открыл её, понюхал и положил обратно в карман. Затем мужчина поднял взгляд вверх — и на

долю секунды их взгляды встретились. Он улыбнулся, а она, смутившись, что её застигли врасплох, быстро забежала с балкона в комнату. Через минуту, вернувшись на балкон и посмотрев на улицу, она не увидела мужчину. Он исчез.

Она взяла гитару, провела пальцами по струнам и начала напевать свою песню — ту самую, которую пел утренний гость. И в этот момент, впервые за долгое время, она почувствовала, что у этой песни появился новый смысл. Где-то в подсознании родилась строчка, которую она тут же наспех записала на салфетке, оставшейся от завтрака.

Где-то на улице Жозефа де Местра, в Париже, летним утром, началось что-то новое.

Глава 4

Сергей проснулся в шесть утра, как всегда, без будильника. Тело само подняло его с постели — привычка, выработанная годами тренировок и службы. Он сделал короткую зарядку прямо в номере небольшого отеля, который был выбран специально подальше от туристического центра. Умылся холодной водой, рассмотрел себя в маленькое зеркало над раковиной, оделся и вышел в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.